

Глава 1

Я влетаю в комнату, с шумом захлопнув за собой дверь. Сердце так колотится, что едва не вырывается из груди. Зубы стучат от злости: хочется взять что-то тяжелое и швырнуть. Желательно в дверь кабинета отца. И так, чтобы он точно знал — это я и мои принципы. Как он вообще может так поступить?! Я же... я же его родная дочь. Притом ничем не хуже остальных дочерей.

— Алис, — сестра, которая, оказывается, все это время сидела на диване в другой части спальни, с белой маской на лице, удивленно поглядывает на меня. — Тебя что, осы покусали?

— Лучше бы осы! — шиплю я, комкая подушку в руках.

— Та еще перспективка. Хотя тебе же плевать на свою внешность, но для меня это была бы полная катастрофа.

— У меня тоже полная катастрофа! — я, неожиданно для себя, решаю вывалить все, что услышала минутой ранее, Лизе. Так-то мы с ней совсем не подруги. Даже больше скажу — врагини. У нас и матери разные, несмотря на то, что Лиза старше меня. Отец загулял с моей, пофестивалил и думал, что все — его похождения закончились, но мать неожиданно оказалась беременной.

Вообще-то, жениться он на ней и не думал. Еще бы! Девочка из трущоб, деревенская дурочка, которая приехала из глубинки, как он сам говорил позже. Если бы с мамой не произошел несчастный случай, отец бы меня не забрал. Скажем так, мое нахождение в этом роскошном доме изначально никому не нравилось. Отсюда и нелюбовь Лизы, ее матери и в целом всего семейства. Раньше только папа ко мне хорошо относился, ну и младшая сестра. А теперь... теперь и он поступил подло. Бесчувственно!

— И что там у тебя за катастрофа? — выжидающе топает ногой в пушистой тапке Лиза.

— Отец решил выдать меня замуж.

— Ну так хорошо же, — кивает сестра. — За кого?

— Ничего хорошего! — раздраженно цежу я. — Судя по разговору, это взрослый мужик, ему овердофига лет! Ты представляешь?

— Ну... погоди, — Лиза садится на кровать, закидывая ногу на ногу. — А фамилию его ты знаешь? Может, у отца свои какие-то расчеты есть относительно твоей свадьбы.

— Его зовут Игнат Мамонтов, — кривлюсь я. — Ужасная фамилия. Ужасное имя. Фу! Да я не выйду за него!

— Мамонтов? — Лизка аж чуть не подпрыгивает, и, судя по выражению ее лица, мужика этого она знает. — Ну, я так думаю, это свадьба по расчету.

— Я так и поняла, он какой-то партнер отца, который упорно не хочет с ним дружить. И отец придумал просто гениальную идею — подложить ему меня.

— Ну, может, это и неплохо? — выдает сестра, заставив меня еще больше округлить глаза. — Перспективы, вклад в будущее. Этот Мамонтов очень денежный кошелек. Да и внешне он ничего такой. Может, тебе пойдет. Я бы согласилась.

— Ну вот и выходи за него сама, чего это я должна отдуваться за всю семью?

— Нетушки, — с усмешкой отвечает Лиза. — У меня есть Кирилл. И выйду я замуж только за него.

— То есть тебе ровесника, а мне можно и старпера?

— Ну как-то же ты должна за грешки своей мамашки расплачиваться? — ну вот, снова начинается яд. А ведь в последние несколько недель мы почти ладили. Но про то, что я дочь любовницы отца, Лиза, видимо, никогда забыть не сможет.

И я тоже решаю кольнуть по больному. Пусть знает.

— Вы с Грацким даже не общаетесь. Ты забыла, что это лишь негласное соглашение лучших друзей? Не думаю, что этот самовлюбленный клоун спит и видит, как бы скорее жениться на тебе.

Вместо ответа сестра кидает в меня подушку, но я уверачиваюсь. Она, ясное дело, фыркает, подпрыгивает и ско-

рее идет на выход. На самом деле Лиза больше всего боится, что соглашение отменят. Она в Кирилла влюблена с детства, как только первый раз увидела его. Однако Грацкий — звезда моего универа — совсем не испытывает дружеских чувств в сторону нашей семьи. С Лизой он общается коротко и монотонно из серии «привет», или «ага», или «ну, увидимся». Со мной еще хуже. При любом удобном случае отмачивает гадкие шутки и подставляет.

Перед тем как уйти, Лиза останавливается и, взглянув на меня, спрашивает:

— И что ты планируешь делать с браком?

— Может, из дома сбегу, — прикидываю вслух я. — Не знаю. Но я его точно не допущу.

— Ну-ну, — бурчит себе что-то под нос она, затем уходит.

Я еще какое-то время меряю шагами комнату, прикидываю варианты, как мне справиться с отцом. Так-то он меня любит, может, получится придумать уловку или манипуляцию какую. Но тут неожиданно дверь в спальню распаивается, притом без стука и приглашения, и ко мне влетает фурией мачеха — Оля.

— Ты! — тычет она в меня пальцем. — Во-первых, подслушивать нехорошо. Во-вторых, раз решила сбежать, то до смотрины, а они состоятся через два дня, ты, милочка моя, сидишь под домашним арестом. Еду тебе буду приносить. А от учебы... я договорюсь, и тебе сделают справку.

— Что... — только и могу прохрипеть.

— И не смей ничего выкинуть, поняла меня? Твой отец смиловился над тобой, чтобы тебя, малявка, не сдали в детский дом. Так что будь благодарна за его деньги и крышу.

Выплюнув поток яда, мачеха громко хлопает дверью, оставляя меня в еще худшем расположении духа. Одно знаю наверняка — замуж я точно не выйду. И обязательно придумаю, как этого избежать.

Глава 2

Обещание свое Оля сдерживает, и отец, к моему удивлению, полностью на ее стороне. Он ко мне даже не заходит и на мои звонки и сообщения не отвечает. Устроил мне бойкот, называется. Видимо, бизнес настолько важен ему, что плевать он хотел на собственного ребенка. Хотя о чем это я, у него же нас трое — Лиза, я и Мила. Одной дочкой больше, одной меньше — велика беда.

К вечеру пятницы Оля удосуживается меня выпустить на свободу. А перед этим она ко мне заводит стилиста, который пытается из моего раздраженного и гневного лица сделать что-то вразумительное.

— Я никуда не пойду, — хмурюсь я, отмахиваясь от кисточек, теней и масок.

— Пойдешь, — спокойно отвечает Оля. — Отец сказал, что это не обсуждается.

— С чего это?

— С того, что за твой институт, еду, проживание и жизнь платит он. Понятно?

Ну куда уж понятнее. Я, действительно, поступила на коммерцию, потому что недобрала пару баллов. И с подработками у меня не вышло: несколько раз обманули, да и отец запретил. Я особо с ним спорить не стала.

Стиснув зубы, я решаю не сопротивляться. По крайней мере, пока... Надо придумать план — может, напрямую с этим Игнатом пообщаться, сказать ему какую-то ерунду, или вообще выставить себя в дурном свете, и он тогда сам откажется от меня. Точно, нужно что-то эдакое.

— Готово, — кивает стилистка, явно довольная своей работой над моим образом.

Я чуть наклоняюсь, разглядывая свое отражение в зеркале: глаза подчеркнуты тёмно-синим, губы — глубоким

винным, волосы уложены в мягкие рыжие волны, спадающие на плечи. Даже очки заставили снять и надеть линзы, хотя я их жутко ненавижу. А еще это платье, прости господи, черное, с открытой спиной и разрезом до середины бедра. Прямо товар для аукциона краденых невест.

— Вот, — Оля открывает коробочку, достает из неё жемчужное кольцо с красивым камешком по центру.

— А это еще зачем? — бурчу я.

— За шкафом, — огрызается она.

Затем Оля берет пальто: белое, длинное, кашемировое, с меховым воротником и заставляет меня его надеть. В нем я чувствую себя какой-то снежной королевой из другого века.

— И будь паинькой, — строго наказывает мачеха, когда мы выходим из спальни. Я все еще ищу взглядом отца в надежде, что он спасет меня, скажет, мол, передумал или это была злая шутка к Новому году. Однако его нигде нет.

В машину сажусь молча и пока еду, рисую на запотевших окнах сердечки. А там на улице уже почти праздник: гирлянды на каждом здании, снежинки, что медленно кружатся в свете фар. Еще и в салоне играет тихо «Подумал о тебе, и пошел снег», и от этой иронии хочется завывать.

Ресторан называется «Сказка». Он находится на окраине, оттуда открывается невероятный вид на горы и вечерний город. Столы накрыты белоснежными скатертями, на них стоят хрустальные подсвечники и маленькие серебряные елочки, усыпанные искусственным инеем. «Декабрь» — подмечаю про себя я. Все стараются создать атмосферу милоты. Все... кроме моей семьи.

Мы сдаем в гардероб вещи, и прежде чем пойти к столу, я спрашиваю у Оли:

— Сколько ему лет?

— Кому? — она щелкает сумочкой и вытаскивает оттуда помаду.

— Мамонту.

— Следи за языком, — цокает она, подкрашивая губы. — Ему пятьдесят пять. Но он очень хорош собой.

— Зачем я ему? Нет детей, и он захотел себе взрослую дочку? Мне девятнадцать, Оль. Я ему... уже во внучки даже гожусь.

— Слушай, — мачеха поворачивает меня лицом в зал и показывает стол, где я могу разглядеть Игната. — Смотри, какой лощеный мужик, — шепчет она мне на ухо. Да, он реально выглядит моложе. Подтянутый, с осанкой, без живота, с небольшим хвостиком на затылке. На вид ему больше сорока не дать. — Он потратил всю жизнь, чтобы построить империю и накопить состояние. Теперь хочет заняться семьей. Хочешь узнать, зачем ему молодая девочка? Спроси сама.

— Вообще не хочу, — качаю головой, ощутив, как по телу пробегает мелкая противная дрожь. Но Оля не слушает, лишь активнее подталкивает меня в сторону этого Игната. А уже около стола она едва не кланяться начинает ему, такая вся приветливая, улыбчивая делается. Кошмар... Выключите кто-то эту актрису.

— Игнат, добрый вечер. Я...

— Можете идти, Ольга, — обрывает он ее на полуслове. Я в шоке поглядываю на мачеху: та тоже не сразу берет в оборот, что ее тонко послали. Потом, правда, вся подбегается, натянуто улыбается и уходит.

— Прошу, Алиса, садись, — Мамонтов показывает рукой на стул, и я принимаю приглашение. Все-таки сидеть проще, чем стоять, особенно когда собираешься воевать против кого-то такого. Уверена, характер у него — не сахар.

— Добрый вечер, Игнат, — киваю я, пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Как тебе ресторан? — буднично уточняет. И мне уже кажется, что если я скажу «плохо», он прикажет его снести.

— Ну... пойдет.

— Любишь что-то более изысканное?

— Нет, — тянусь к салфетке. Жутко нервничаю и, что бы как-то успокоиться, начинаю ее тереть. — Люблю попроще.

— Тогда лучше сменить ориентиры, Алиса, — звучит больно приказным тоном.

— Что вы... имеете в виду?

— Я человек, которому положено бывать в солидных местах. И жена такого человека должна соответствовать, — поясняет Игнат вполне очевидный факт.

— Кстати, об этом, простите... — я собираюсь с духом и выпаливаю нервно. — Зачем вы решили на мне жениться? Я... я не уверена, что подхожу вам.

— Отнюдь, — он делает глоток кофе, и только сейчас я замечаю, что на столе уже стоит десерт и чай. Хотя я не люблю зеленый, и эти сладости меня совсем не привлекают. — Буду честен, Алиса. Я хочу ребенка.

Мать божья... будь у меня в руках кружка, она бы разбилась. Какой ребенок? Он о чем вообще? Я не готова с ним... спать.

— Что, простите?

Игнат сводит руки в замок, снисходительно поглядывая на меня.

— Я хочу, чтобы он был зачат от чистой и невинной девушки. Я перфекционист и стремлюсь к идеалу. С бизнесом все отлично: дом, прислуга, машины, личная клиника. Ты будешь иметь все, что пожелаешь, как и наш ребенок.

— По... подождите, — лепечу я, пораженная тем, насколько Игнат все мне в лоб выдал.

— Конечно, я не спешу. Сперва тебя осмотрит мой врач-гинеколог, чтобы знать точно, о наличии всевозможных инфекций и... что твоя матка чиста.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза от маразма, который он несет. Ребенок. Девушка-девственница. Гинеколог. Отец вообще в своем уме? Он меня решил продать какому-то мешку денег, который повернут на... этом?

— А как же... любовь? — вырывает у меня скорее неосознанно. — Причем тут врачи и невинность? Разве дети — это не плод любви двух людей?

Игнат немного наклоняется ко мне, и свет от свечи падает на его лицо так, что морщинок почти не видно. Только глаза: холодные, серые, как зимнее небо над городом.

— Любовь? — повторяет он с короткой усмешкой, будто я сказала что-то милое, и при этом совершенно детское. — Алиса, я уже пробовал любовь. Два раза. Оба закончились разводами, алиментами и истериками в суде. Мне сорок восемь, а не пятьдесят пять, кстати, спасибо твоей мачехе за комплимент. У меня нет времени на третий эксперимент. Мне нужен наследник. Здоровый, от здоровой матери, без чужой генетической грязи и без бывших мужей, которые потом будут претендовать на мое состояние.

Я открываю рот, но слова упорно не складываются в предложения. Мне приходится буквально заставлять себя произнести то, что жжет язык.

— То есть... вы покупаете меня как... как инкубатор?

Он, не моргнув и глазом, кивает.

— Если хочешь грубо — да, можно так сказать. Только инкубатор очень дорогой. Главное условие — ты должна быть верна мне, и тогда у нас, в человеческом понимании, будет счастье.

И в этот момент я понимаю, что согласна на все, лишь бы не выходить за него замуж. Потому что быть инкубатором для богатого кошелька я не готова.

Глава 3

— Офигеть! — впечатляется Соня, моя лучшая подруга. Она заправляет короткую темную прядь за ухо, и ее взгляд скользит мне за плечо.

— Мне нужно придумать что угодно! — сокрушаюсь я, сидя в буфете универа. — Я не хочу за него замуж. Не пойду и точка!

— А может, тебе... ну... — тянет задумчиво подруга, возвращая взгляд ко мне. — Лишиться того, на что они ставку ставят?

— О чем ты?

— О твоей девственности. Этот Мамонт же сказал, что поведет тебя к врачу, — глаза у Соньки Анохиной загораются, как два огонька.

— И как я, по-твоему, должна от нее избавиться? Так говоришь, словно это зуб пойти вырывать к стоматологу.

— Ну нынче с этим точно проблем нет, — хихикает Сонька, попивая свой сок из трубочки.

Я вздыхаю, поправляя круглые очки на переносице. С любовными приключениями у меня беда. Вернее, их нет и не было. Я не на то делала ставку. Мечтала о карьере, достижениях, а не о парнях. Да и с моей внешностью какие парни... Я так-то не принцесса какая-то, вроде Лизы, которой по сути отказал только Грацкий.

— Сколько у меня было парней? — спрашиваю у Соньки. — Давай посчитаем. Ого! Целых... ноль! Круто!

— Не правда, а как же тот поцелуй в девятом классе на дискотеке с Томченко?

— Я тогда сдуру выпила пива, которое они тайком пронесли и... в общем, это была ошибка, — отмахиваюсь от воспоминаний. Поцелуй был неприятный. Хотя сам Томченко мне нравился, вернее, я считала его отличной

партией. Он шел на золотую медаль и пользовался расположением учителей. Мы могли бы начать встречаться и друг другу выгодно помогать, но ему, как оказалось, нравилась звезда класса — Светка. А я... я для него тоже была своего рода ошибкой.

— Погоди, а на выпуске? Егор же тебя тогда на танец пригласил и признался в чувствах.

— Ты забыла? Он поспорил с пацанами, что переспит со мной.

— Точно, — кивает Соня.

— Странно, что ты такое не запомнила.

— Я помню, как Грацкий подрался с Егором, вот это точно было эпично! — смеется она. — До сих пор не понимаю, что они там не поделили.

Я закатываю глаза.

— Черт, жаль, мы в разных классах учились, и меня там не было. Но на выпуске ты была красоткой.

— Ну... — смущенно прикусываю губу. Тогда я, действительно, разоделась и выглядела сносно. Линзы купила, волосы распустила. Меня даже не узнали сразу. — Может и так. В любом случае, распрощаться с невинностью так легко не выйдет. Где я найду парня для этих целей?

— А может... — Сонька снова поглядывает мне за спину: теперь и я оглядываюсь. Там висит огромный плакат, который еще на прошлой неделе повесили ребята из студсовета. Вечеринка-карнавал, костюмированная, в масках. В честь окончания года.

— Что за странная идея тебя посетила?

— Как насчет того, чтобы на этой вечеринке и найти себе парня? — шепчет подруга, а затем телефон достает и кликает там что-то, пока я обдумываю ее предложение. — Смотри, можно вот такую маску взять и платье. Волосы распустим. Никто и не узнает. Переспешь с ним и свалишь, как золушка. Ну что?

— Это звучит... так абсурдно, — вздыхаю я. Вообще-то, чисто по-женски, я мечтала об ином. О том, чтобы это был парень, рядом с которым будет сердце замирать, а в живо-

те — просыпаться бабочки. Мечтала, что он будет держать меня за руку и шептать ласковые слова на ухо. А с первым встречным... аж плакать хочется.

— Алис, ну других вариантов нет. Если твой отец даже разговаривать не хочет на эту тему, а мужик уже собрал список анализов, это попадос. Они же... тупо используют тебя.

Я подпираю рукой подбородок, грустно дунув на прядь, упавшую на лицо. И тут футбольный мяч — откуда он только взялся? Летит прямо на наш стол. Стаканы с напитками падают, Сонька успевает отскочить, а я... ну как обычно. Розовый свитер запачкан, на лице — брызги.

— О, соррян, — раздается за спиной знакомый голос.

Я поворачиваюсь, кинув гневный, насколько возможно, взгляд на паразита. Кто бы сомневался! Сам Грацкий пожаловал. Заметив, что ситуация произошла именно со мной, он хватает салфетку со стола, наклоняется и, конечно, специально задевает соседний стакан, который чудом не упал до этого. Тот шатается и вуаля — напиток разливается прямо мне на колени.

Я подсказываю, оттолкнув Кирилла, а он лишь хитро улыбается и руки поднимает.

— Неудачи — они такие, Иванова. Хвостиком ходят.

— Тот факт, что родители запихнули нас в один вуз — одна сплошная моя неудача, — рычу на него, крепко сжимая кулаки. А у самой сердце заходится от злости, потому что Грацкого я ненавижу до скрежета зубов. И эта нелюбовь у нас еще с начальной школы.

Кирилл не уходит: наоборот, садится на стул, развалившись в нем так, будто это его личный трон. Он проводит рукой по короткостриженным каштановым волосам, и губы растягиваются в той фирменной ухмылке, от которой меня передергивает. Но Лиза от нее тает, как и половина универа.

— Ой, Иванова, не злись, — тянет он, подмигивая. — Я ж тебе услугу оказал. Твой розовый свитер и так выгля-

дел плачевно. А теперь смотри, можно закосить под модный тренд.

— Боюсь, Грацкий, закосы под тренд — это по твоей части, — отряхиваю я свитер, спешно подхватывая вещи со стула. — А то как же девчонки будут вешаться, если вдруг ты будешь из общего колорита выбиваться?

— Поверь, они со мной не поэтому. А потому что... — однако договорить он не успевает, я его перебиваю.

— Поверь, — передразниваю я его. — Мне не интересно.

И подхватив Соньку под руку, я вылетаю из столовой. Нет ничего хуже, чем встреча с Грацким. Для него я развлечение. Груша для битья. Если в округе будет сто человек, над которыми можно посмеяться, он выберет именно меня. Уж не знаю, откуда у него такая неприязнь, но так и живем.

Заходим с Анохиной в туалет, и я быстро стягиваю с себя свитер, хорошо еще, что под низом майка. Пятно огромное и вряд ли отстирается. Вот же придурок! Это был мой любимый свитер.

— Не грусти ты, — подбадривает Соня. — Пусть это будет самое плохое, что с тобой произошло за год.

— Год закончится через неделю, — кошусь я на нее. — И меня уже волнует следующий.

— Тебе надо идти на вечеринку, — настаивает подруга. — Тогда точно все наладится. У гинеколога получишь справку, что негодная, и дело с концом.

— Боже! — вздыхаю я, облокотившись на стену. — Почему я вообще должна этим заниматься? Почему отец... придумал эту ерунду?

— Он с тобой так и не поговорил?

Я качаю головой, поджимая губы. В груди жжет от обиды и несправедливости. Я окидываю себя взглядом в зеркале, смотрю на рыжие пряди и веснушки, усыпавшие лицо. И искренне не понимаю, почему в моей жизни даже здесь несправедливость. И главное... мне придется жертвовать тем, что я ценила, ради свободы.

— Алиса... — Сонька кладет руки мне на плечи, заглядывает в глаза. — Другого выхода нет. Да и... слушай, я уверена, будет быстро. А еще можно закрыть глаза и представить кого-то, допустим... Лео или Дио¹, ты же по ним сохнешь?

— По больному бьешь, — я скидываю ее руки с плеч и, метнув взглядом еще раз на свое отражение, уныло добавляю. — Что там за карнавал-то? И когда он? И... у тебя есть варианты костюма?

¹ Лео — китайский актер Ли Юнь Си.; Дио — корейский актер и певец До Кен Су.

Глава 4

— Ну как прошла встреча с Игнатом на прошлой неделе? — Оля накладывает мне в тарелку салат, при этом так наигранно улыбнувшись, что аппетит у меня моментально пропадает. Мы впервые обедаем вместе за столом спустя неделю молчания. Отец так и не захотел обсуждать со мной будущее, и такой позицией поставил точку в наших с ним отношениях. Решил, что я его ступенька к контрактам, или что там пообещал Мамонтов ему? И ничего у него нигде не екает, что дочку кладет под старого мужика.

— Игнат сказал, они с Алисой все обсудили, — спокойно сообщает папа, отрезав кусок стейка.

— А что за Игнат? — Аня, самая младшая из нас, поглядывает то на меня, то на отца. В отличие от Лизы, с Аней мы очень близки, и она всегда старается меня поддержать.

— Будущий муж твоей сестры, — равнодушно сообщает отец. А у меня от его тона аж руки трястись начинают. Какой он все-таки... жестокий.

— Но Алисе же всего девятнадцать, какой муж? — поражается Аня.

— При деньгах, — влезает в разговор Лиза. — На крутой тачке. Что еще нужно? Скоро наша сестрица будет в шоколаде купаться и поливаться им.

— А чего сама не хочешь в нем купаться? — бросаю гневный взгляд на Лизу.

— Прости, я на диете, — улыбается она.

— Хватит, девочки, — обрывает нас мачеха. Она уже, вероятно, знает, чем эта перепалка может кончиться — очередным скандалом. — Давайте есть молча.

— Пап, — решаюсь на отчаянный шаг я. — Ты реально думаешь, что я буду счастлива? И тебя не смущает, что я этого человека не знаю, не люблю и...

— Счастье приходит со временем, — обрывает отец, намекнув, что мне рыпаться смысла нет. Что ж, раз он так решил, то я все сделаю, чтобы его решение вышло ему же боком.

Обед тянется в гнетущей тишине, прерываемой только звяканьем вилок. Я ковыряю салат, а в голове крутится план с маскарадом. Как буду сбегать из дома, как потом отцу сообщу весть о моей неидеальной «упаковке». Тем более Соня уже все организовала: маски, платья, даже фальшивые имена. Главное — не выпасть из образа и найти кого-то такого, чтобы, ну, там, изо рта не воняло, и в целом выглядел не тошнотворно. И вообще, относиться к этому как к опыту. А потом вычеркнуть из памяти, словно ничего не было. Кажется, не так уж и трудно.

После ужина я запираюсь в комнате и созваниваюсь с Соней по видеосвязи. Вечеринка уже сегодня, всего через пару часов, и я жутко волнуюсь. Пора точно пить успокоительное. Сонька размахивает маской в камеру — черной, с серебряными перьями, идеально подходящей под мое платье, которое я чудом урвала на маркетплейсе по низкой цене. Отец не особо дает шиковать на мои карманные расходы, приходится изворачиваться.

— Смотри, какая крутая! — верещит подруга. — И платье с разрезом — бомба. Парни слюни пускают, один точно клюнет. Представь: маскарад, полумрак, музыка гремит. Ты танцуешь, он тебя целует, и бац — миссия выполнена.

— Сонь, это безумие, — вздыхаю я, но улыбаюсь. — А если меня раскроют? Или парень окажется психом? Или... Грацкий там будет и опять все испортит?

— Ой, да ничего никто не испортит. Главное — нужные команды во вселенную посылать, и все будет пучком. Ну что? Выдвигаемся?

Я киваю, хоть и не до конца уверена, что у меня получится.

Неожиданно за спиной дверь бесшумно скрипит — я не слышу, слишком увлечена разговором. А там, оказывается, Лиза стоит в проеме, скрестив руки на груди. Стоит